

Блуждание в трех соснах, или Тоска по личности (Из личного архива В.П. Зинченко)

В.П. Зинченко

Доктор психологических наук, профессор

Поступила 3 сентября 2016/ Принята к публикации: 10 сентября 2016

Nostalgia for a Personality: roaming like a babe in the woods (From personal archive V.P. Zinchenko)

Vladimir P. Zinchenko
Doctor of Psychology, Professor

Received September 3, 2016 / Accepted for publication: September 10, 2016

В статье анализируются многозначные психологические термины: «субъект», «индивид», «личность» и образуемые из них синкреты, например, «личностный субъект», «субъектность личности», «мультисубъектность личности», «личность – атрибут субъекта», «личность индивида» и т.п. Автор пишет, что он, не претендуя на исчерпывающее раскрытие внутренней формы соответствующего слова, попытается выразить свое отношение к подобным синкретам и свое видение взаимоотношений между реальностями, скрытыми за терминами «субъект», «индивид», «личность». При этом он опирается на более ранние культурные традиции их понимания и использования.

Реконструируется трактовка этих терминов Г.Г. Шпетом, М. Хайдеггером, С.Л. Рубинштейном, Б.М. Тепловым, А.Н. Леонтьевым и др. Автор утверждает, что ему не удалось найти в работах рассмотренных им авторов сколько-нибудь содержательных связей между понятиями «субъект» и «личность». Да и само понятие «субъект» в них используется настолько широко, что его содержание близко к нулю. Подчеркивается сложность постижения субъекта, приводятся свидетельства этой сложности, которые автор находит в работах ведущих философов и психологов, занимавшихся данной проблемой. В итоге автор пишет, что анализ различных форм рефлексивности и, собственно, лежащих в их основании практик – это, возможно, и есть теория психологии субъекта, если таковая возможна. Второй член рассматриваемой триады – индивид или индивидуальность, представляет собой и объект, и предмет, и цель бесконечного числа исследований. При этом понятия «субъект» и «личность» не конгруэнтны понятию «индивид», хотя многие попытки определить или охарактеризовать личность отталкиваются именно от индивидуальности. Феномен личности довольно поздний результат человеческого развития.

Автор утверждает, что очевидной, реальной проблемой психологии является наше среднее звено – индивид или индивидуальность. От нее возможны два пути: вниз – к субъекту – функции или к коллекции (коллективу) функций, к подлежащему. И путь вверх – к личности, к коллективу переживаний, к духовности и свободе. Однако выбор не всегда за человеком, но и преуменьшать его стремлений к пределу самопостроения не следует.

Ключевые слова: психология, субъект, индивид, индивидуальность, личность

The paper analyses such polysemantic terms as "subject", "individual", "personality", and which form sincretic notions, e.g. "subjectivity of personality", "multisubjectivity of personality", etc.

The author claims that he was unable to find in the works of other authors meaningful connections between the concepts of «subject» and «personality». The concept of «subject» is used in such a wide meaning that its content potential is close to zero. It highlights the complexity of understanding the subject, and provides evidence of the difficulties that the author finds in the works of the leading philosophers and psychologists who are concerned with the issue of personality. As a result, the author concludes that the analysis of the different forms of reflexivity and, their base practices are the theory of psychology of the subject.

The second term of the triad – the individual or the individuality, is both the subject and the subject matter and objective of an infinite number of studies. At the same time the concepts of «subject» and «personality» are not congruent to the concept of «individual», although many attempts to define or describe the personality are repelled by the notion of individual. The phenomenon of personality expresses a rather late result of human development.

The interpretation of these terms by G.G. Shpet, S.L. Rubinshtein, B.M. Teplov, A.N. Leontiev, etc. is refurbished. The author believes the main issue of psychological research is personality. On the ontological plane, there are two notions of personality: down — to the subject — to a function or a collection of functions; and up — to the personality — to an ideal, to the limit of self-construction, to spirituality and freedom.

Key words: psychology, subject, individual, individuality, personality

Психология, несомненно, относится к циклу наук о человеке, хотя слово «человек» в психологических текстах встречается не часто. Особенно в сравнении со словами «субъект», «индивид», «личность». В этом нет большой беды, когда слова употребляются на своем месте, в уместном контексте, что, к сожалению, бывает далеко не всегда. В последние десятилетия из этой триады на первый план выходит слово «субъект», а слова «индивид» и «личность», «я» оказываются в его тени. Возможно, ощущая некоторый когнитивный диссонанс, ряд авторов, не определяя члены пар или триад, образуют из них синкреты, якобы проясняющие предмет их размышлений или исследований. Подобных словосочетаний множество: «личностный субъект», «субъект-

ния одного слова другим. Второй путь, на мой взгляд, лишь затрудняет понимание, так как за каждым членом триады тянется шлейф его культурных значений и смыслов, скрытых во внутренней форме соответствующего слова. Не претендуя на ее исчерпывающее раскрытие, попытаюсь выразить свое отношение к подобным синкретам и свое видение взаимоотношений между реальностями, скрытыми за терминами «субъект», «индивид», «личность». При этом я буду опираться на более ранние культурные традиции их понимания и использования.

Начну с заимствованного из философии понятия «субъект». В философии оно вполне содержательно и дифференцировано: эмпирический, конкретный, индивидуальный, коллективный, синергетический, общественный, этический,

Злоупотребление словом «субъект» в психологическом контексте говорит о нечувствительности к языку. Бессовестный, бездушный субъект – это отвратительно, но, к сожалению, привычно. А совестливый, душевный, одухотворенный субъект – смешно и грустно. Даже «умный субъект» звучит издевательски

ность личности», «мультисубъектность личности», «личность – атрибут субъекта», «личность индивида», «индивидуальность личности как субъекта» жизни, познания, чувства и т.п. На этом фоне значительно понятнее звучат, видимо не без иронии и шарма, предложенные термины: В.С. Библер – «многаяность», М. Пруст – «роистое Я», В.А. Петровский – «единомножие Я». Мне трудно судить о мотивах образования подобных странных синкретов. Может быть причиной является, опять таки, ощутимая авторами несамодостаточность каждого отдельного члена этой триады. Чтобы ее компенсировать, идут не по трудному пути превращения слова в понятие, а по пути как бы разъясняющего дополне-

эстетический, трансцендентальный, абсолютный и даже X субъект. Психологи используют это понятие как нечто само собой разумеющееся, не раскрывая его содержания. Словосочетания «личностный субъект», «субъектность личности» не безобидны. Их принятие, конечно, существенно облегчает работу психолога, поскольку деиндивидуализирует и обезличивает личность, освобождает его от работы с реальным человеком, заменяет ее игрой со словами «субъект» и «личность». Спору нет – индивидуальность сложна, уникальна, неповторима, а субъект прост, он знак того, что, например, такие акты как познание, чувство, воля не витают в воздухе, а к чему-то (кому-то?) привязаны. Раньше они признава-

лись атрибутами души, а потом, когда от нее отказались, их приписали в качестве функций неопределенному психологическому субъекту. Это произошло не вчера и даже не позавчера. В 1922 г. Г.Г. Шпет в контексте размышлений о соответствии логических и онтологических форм слова язвительно писал, что учителям грамматики не до шуток, «когда из под масок логических и грамматических субъектов начнут вылезать рогатые рожи еще и психологических субъектов, которых здоровые и трезвые люди никогда и не видели, ни во сне, ни наяву. Психологический субъект без вида на жительство и без физиологического организма есть просто выходец из неизвестного нам света, где субъекты не живут и физиологических функций не отправляют».

Психологического в таком субъекте – одно наваждение и стоит его принять за всамделишного, он непременно втащит за собой еще большее диво – психологическое сказуемое!» (Шпет, 1989, С. 401). Предваряя дальнейшее, скажу, что злоупотребление словом «субъект» в психологическом контексте говорит о нечувствительности к языку. Бессовестный, бездушный субъект – это отвратительно, но, к сожалению, привычно. А совестливый, душевный, одухотворенный субъект – смешно и грустно. Даже «умный субъект» звучит издевательски. Не уверен, читали ли классики отечественной психологии С.Л. Рубинштейн, Б.М. Теплов, А.Н. Леонтьев, В.С. Мерлин, В.Д. Небылицын «Эстетические фрагменты» Г.Г. Шпета, откуда взята эта выписка. Но они не злоупотребляли понятием «субъект» за пределами философской субъект-объектной парадигмы. В психологическом же контексте им достаточно было пары «индивид – личность», или – другой триады: «организм – индивид – личность».

Поскольку положение о субъектности психики, личности приписывается (или вчитывается) С.Л. Рубинштейну, с него и начну. В фундаментальном, изданном 70 лет тому назад и поныне лучшим в нашей стране учебнике «Основы общей психологии» С.Л. Рубинштейна термин «субъект» встречается крайне редко, да и то в сочетании со словом «индивид». Учебник начинается с того, что психология изучает наши восприятия, мысли, чувства, наши стремления, намерения,

Владимир Петрович Зинченко (1931–2014) – выдающийся российский психолог, специалист в области общей, когнитивной, инженерной и экспериментальной психологии, эргономике, теории и методологии психологии, психологии развития. Один из создателей инженерной психологии и эргономики в России.
E-mail: zinchr@yandex.ru (адрес архива автора)

желания. Принадлежность индивиду, их испытывающему, субъекту – первая характерная особенность всего психического (Рубинштейн, 1989, Т. 1, С. 12). Далее о субъекте забывается, и речь идет об индивиду и человеке. С.Л. Рубинштейн человеческими словами писал и о задачах изучения психологии человеческой деятельности. Он предупреждал, что нельзя «отождествлять деятельность человека в подлинном специфическом смысле этого слова с активностью субъекта вообще» (там же, С. 206). На следующей странице автор не чурается слова «субъект», но вновь в паре с индивидуом: «...всякое действие и всякая деятельность психического предполагают действующего индивида, субъекта этой деятельности. Сам этот субъект и его психологические свойства проявляются и формируются в деятельности. От изучения психологии деятельности мы переходим к изучению психологических свойств личности», а вовсе не субъекта. Важен общий вывод: «В итоге система психологии включает помимо общего учения о психике, о сознании и самосознании, учение:

- 1) о психофизических функциях,
- 2) о психических процессах,
- 3) о психическом строении деятельности,
- 4) о психических свойствах личности» (там же, С. 206).

Когда С.Л. Рубинштейн ведет разговор о личности, он совершенно недвусмысленно указывает на зависимость психических процессов от личности как индивидуальности, о том, что они протекают в личности (Рубинштейн, 1989, Т. 2, С. 95), что они суть проявления личности, что вся психология (в его трактовке) есть психология личности (там же, С. 96).

Таким образом, мы смело можем назвать концепцию «Основ общей психологии» С.Л. Рубинштейна (по крайней мере, в ее замысле) личностноориентированной, а вовсе не субъектоориентированной. То же можно сказать о философской психологии С.Л. Рубинштейна, которая наиболее ярко выражена в его книгах «Бытие и сознание» и «Человек и мир». В первой книге понятие «субъект» встречается лишь в контексте философской парадигмы «субъект – объект». Во второй есть небольшой специальный раздел «Человек как субъект жизни». Но и здесь автор не отпускает «субъекта»

в самостоятельное плавание, а лишь в паре с «человеком». Понятие «субъект» понадобилось С.Л. Рубинштейну в контексте описания особого способа жизни, «когда возникает необходимость создания концепции жизни субъекта, человека, из которой уже вытекало бы естественное, закономерное такое или иное отношение к жизни и смерти» (Рубинштейн, 1957, С. 352). В целом и философская психология, развивавшаяся С.Л. Рубинштейном, не субъектоцентрированная, а человекоцентрированная. Обсуждая теоретические вопросы психологии и проблему личности, С.Л. Рубинштейн недвусмысленно говорил о том, что понятие личности не может быть сведено к понятию субъекта даже в узком специфическом смысле слова – в смысле Я» (Рубинштейн, 1973, С. 246). Автор, конечно, связывает личность и индивида, но при этом подчеркивает, что индивидуальные свойства личности – это не одно и то же, что личностные свойства индивида, т.е. свойства, характеризующие его как личность (там же, С. 243). Таким образом, С.Л. Рубинштейн еще больше отдаляет личность от субъекта.

Замечу, что пары «индивид – субъект», «человек – субъект», «личность – субъект» у С.Л. Рубинштейна встречаются, хотя и редко. Поэтому для меня остаются загадочными ссылки на С.Л. Рубинштейна в связи с приведенными выше лингвистическими монстрами: «субъектность личности», «личностный субъект». Не нашел я оснований и для приписывания ему «субъектно-деятельностной теории». Он, действительно, рассматривал субъекта в качестве «внутреннего условия деятельности», но сама деятельность при этом характеризовалась как человеческая или психическая. С.Л. Рубинштейн специально подчеркивает философский, а не психологический смысл используемого им понятия субъект: «Должен быть поставлен еще один вопрос: кто субъект сущностных определений сущего, субъект мыслящего сознания. В этом субъекте *погашена индивидуальная особенность* того или иного «я»; он – «я» вообще в его всеобщности, по отношению к которому единичные «я» – это переменные, которые вставляются в общую формулу. В нее может быть вставлено любое «я» (как это, так и то, как мое, так и другое), но нель-

зя не подставить никакого» (Рубинштейн, 1973). Не это ли погашение индивидуальности, ее опустошение привлекает апологетов «субъектоцентрированного» подхода. Можно вовсе не задумываться, в отличие от С.Л. Рубинштейна, что понимать под «я», «другой», «мы», «индивид», «личность». Достаточно и того, что все они субъекты, которые выполняют некие функции и нечто репрезентируют, а большего от них не требуется. Здесь я не стану излагать философские размышления о сознании «без собственника», о «ничем сознании» в трактовке В.С. Соловьева, Г.П. Шпета, как и идеи о «сфере сознания» М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорского, в которой тоже нет места трансцендентальному субъекту. Психологию все же волнуют проблемы индивидуального или личного сознания.

Пожалуй, решающим аргументом против приписывания С.Л. Рубинштейну любых версий «субъектоцентрированной» психологии является именно его последняя книга «Человек и мир», в которой он практически отказался от субъект-объектной парадигмы. Оппозиция «человек – мир» более психологична (и человеческа) по сравнению с оппозицией «субъект – объект», что превосходно показано А.С. Арсеньевым в его давних публикациях в журнале «Вопросы философии» и в его книге, посвященной пониманию личности. В ней автор так характеризует позицию С.Л. Рубинштейна: «Человек для него не гносеологический субъект, а онтологическая реальность, определяющаяся в своем бесконечном отношении к миру не только бесконечным будущим, но в индивидуальной, личностной форме несущая эту бесконечность, а следовательно, и источник нравственности непосредственно и актуально «здесь и теперь». И именно эта актуальность распаивает перед ним непосредственно (то есть, минуя все опосредующие звенья, все случайное и преходящее) бесконечное богатство, полноту и мудрость человека и мира в их целостности и уникальной неповторимости каждого момента жизни» (Арсеньев, 2001, С. 293). Значение непосредственной презентации мира для человеческой жизни и деятельности – это сюжет Э. Гуссерля, Г.П. Шпета, М. Хайдеггера, А.С. Арсеньева, В.В. Бибикина, которые они, каждый по-своему, освещали.

Не прошел мимо него и С.Л. Рубинштейн. Его продолжение должно сыграть важную роль для развития психологии (Зинченко, 2009).

Обратимся к Б.М. Теплову как Мастеру изучения индивидуальности. В его тезаурусе вообще отсутствует термин «субъект». Не слишком часто встречается и слово «личность». Хотя Б.М. Теплов сетовал на то, что недостаточная разработанность психологии личности мешает изучению психологии индивидуальности, сам он не спешил восполнить этот пробел. Он не был тороплив и считал, что и на пути к пониманию личности нельзя избегать изучения индивидуальности: «Применение к жизни общих психологических закономерностей всегда должно опосредствоваться знанием ин-

ответствии индивидуальных вариаций некоторых физиологических функций индивидуальной динамике психической деятельности. Ученик и сотрудник Б.М. Теплова – В.Д. Небылицын, завершая книгу, посвященную изучению индивидуально-типологических свойств нервной системы, писал о том, что еще только предстоит сделать решающий шаг «в сторону создания унитарной теории природных факторов личности, объясняющее все неисчислимое многообразие индивидуальных картин поведения с его динамической стороны» (Небылицын, 1966, С. 348). Более близким он считал решение перевода проблемы свойств нервной системы в ее индивидуально-поведенческом выражении в плане проблемы факторов оперативной надежности

сти, предложенном В.С. Мерлиным, слово «субъект» отсутствует: «Психология личности изучает систему таких психических свойств, которые определяют активными высокообобщенными, относительно-устойчивыми отношениями и постоянными отношениями личности к объективным сторонам деятельности. Это свойства, проявляемые в общественно-значимых действиях и поступках, имеющие положительную или отрицательную социально-нравственную ценность, характеризующие социальный тип сознания и его индивидуальное своеобразие» (Мерлин, 1996, С. 245).

Позднее В.С. Мерлин постепенно расширял предмет психологии личности, включал в него особенности индивидуальности и стиля ее деятельности, особенно подчеркивал влияние на личность свойств темперамента. От него «досталось» С.Л. Рубинштейну и А.Н. Леонтьеву за то, что они в своих спорах о том, действует ли «внешнее через внутренние условия» или «внутреннее через внешние» оба игнорировали индивидуальный стиль деятельности. На самом деле бывает всякое: и внешнее действует через внутреннее и внутреннее действует через внешнее. Значительно более интересным и важным является соотношение суггестивных сил внешнего и сопротивляемость внутреннему давлению первых. Подобная сопротивляемость может характеризовать меру автономности мышления человека, силу или слабость духа, что, разумеется, сказывается на индивидуальном стиле его поведения и деятельности. Когда же внутреннее действует вопреки обстоятельствам, оно само неминуемо становится внешним. В.С. Мерлин укорял также Б.М. Теплова и В.Д. Небылицына за то, что они в своих размышлениях о личности игнорировали темперамент. Они не столько игнорировали, сколько проявляли научную осторожность, понимая, что такая популярная психологическая категория, как темперамент, имеет достаточно путаную структуру, с его основными типами и вариациями. Они воздерживались также от установления сколько-нибудь прямых связей между типами нервной системы и одаренностью и способностями человека. Впрочем, это не мешало Б.М. Теплову глубоко анализировать музыкальные способности, ум

Значительно более интересным и важным является соотношение суггестивных сил внешнего и сопротивляемость внутреннему давлению первых. Подобная сопротивляемость может характеризовать меру автономности мышления человека, силу или слабость духа, что, разумеется, сказывается на индивидуальном стиле его поведения и деятельности. Когда же внутреннее действует вопреки обстоятельствам, оно само неминуемо становится внешним

дивидуальных различий. Без этого общие психологические закономерности становятся столь абстрактными, что их практическая ценность становится сомнительной. Резкое отставание научной разработки вопросов индивидуальных различий, по глубокому убеждению автора, мешает психологии завоевать себе прочное признание как науки, действительно необходимой для всех тех областей практики, которые имеют дело с психической деятельностью людей» (Теплов, 1961, С. 5). Эти слова, написанные около полувека тому назад, справедливы и сегодня. Анализ индивидуальности, ее способностей и одаренности приводил Б.М. Теплова к размышлениям о таких свойствах личности, как узость или широта ее направленности («одновершинная» и «двухвершинная» личность). Он писал о «многосторонности таланта», о сложности и широте одаренности того или иного лица, о наличии некоторых общих моментов одаренности, имеющих значение для разных видов деятельности.

Вместе с тем, Б.М. Теплов и вся его научная школа чрезвычайно осторожно подходили к вопросу о возможном со-

человека, сталкивающегося с экстремальной ситуацией и решающего в условиях значительной напряженности достаточно сложные и ответственные задачи (там же, С. 349). В обыденных ситуациях, по мнению В.Д. Небылицына, прямое проявление свойств нервной системы в динамике поведения является, скорее, исключением, чем правилом. Динамическая сторона (темп и интенсивность) человеческих реакций и поступков в значительно большей степени обусловлена воспитательными влияниями и регулирующими воздействиями социального окружения. Между прочим, С.Л. Рубинштейн более оптимистически оценивал возможность включения типологических свойств нервной системы в качестве компонента внутренних условий поведения личности.

В.С. Мерлин начинал свою программу исследований интегральной индивидуальности с экспериментальной психологии личности. Он использовал понятие «субъект трудовой деятельности», но предпочитал ему понятие А.Д. Лазурского «активный деятель». В определении предмета психологии лично-

и личность полководцев, противоречия в личности Сальери и т.д.

Интересно обсуждаемая триада выступает у А.Н. Леонтьева. В своем самосознании он был создателем марксистской психологии (которую, по словам Б.М. Теплова, вообще нельзя создать) и, разумеется, не мог обойтись без понятия «субъект». Однако, он использовал это слово вполне двусмысленно. Вначале субъект выступает как субъект деятельности. Вместе с тем, «до выяснения важнейших моментов, образующих процесс деятельности, субъект остается как бы за пределами исследования» (Леонтьев, 1983, Т.2, С. 186). Это положение похоже на «погашенную в субъекте индивидуальность», о чем писал С.Л. Рубинштейн. Другими словами, субъект, с психологической точки зрения, остается пустым. Лишь выяснение «моментов» процесса деятельности «приводит к необходимости ввести понятие о конкретном субъекте, о личности, как о внутреннем моменте деятельности. Категория деятельности открывается теперь в своей действительной полноте, в качестве объемлющей оба полюса – и полюс объекта, и полюс субъекта» (там же). Не является ли инкапсуляция то ли субъекта, то ли личности в деятельность в качестве ее внутреннего момента (А.Н. Леонтьев) или даже как воедино связанной совокупности внутренних условий, через которые преломляются внешние воздействия (С.Л. Рубинштейн), печальной данью эпохе, в которую им выпало жить и творить? Ведь это делает личность незримой, чего требовало то время. Эпохе нужна была не личность, а «новый человек». Не осуждая названных ученых, приведу другой взгляд: «Человек живет, пока есть у него внешность. И личность есть внешность. Проблема бессмертия была бы разрешена, если бы была разрешена проблема бессмертного овнешнения» (Шпет, 2007, С. 191). Справедливости ради следует сказать, что С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, Л.И. Божович говорили, что путь к личности лежит через поступок. Г.Г. Шпет характеризовал поступок как «текст» в отношении к «контексту» личности. Об этом приходится говорить, так как от понимания субъекта и личности лишь как внутренних моментов или условий деятельности недалеко и до утверждения

Г.П. Щедровицкого о «бессубъектности деятельности». Впрочем, такой ее анализ имеет право на существование, как и анализ бессубъектной сферы сознания.

Поскольку А.Н. Леонтьев размышлял в границах субъект-объектной парадигмы, без понятия «субъект» действовать трудно обойтись. Однако, наполнить «конкретного субъекта» конкретным же содержанием, не поставив его рядом с личностью, еще труднее. Надо сказать, к чести А.Н. Леонтьева, он и не делает такой попытки, возможно, сознавая бессмысленность надления субъекта личностными свойствами и качествами. Все же, он использует это понятие, но не как конкретное, а как вполне абстрактное. Разясняя положение об общественно-исторической сущности личности, он пишет, «что личность впервые возникает в обществе, что человек вступает в историю (и ребенок вступает в жизнь) лишь как индивид, наделенный определенными природными свойствами и способностями, и что личностью он становится лишь в качестве субъекта общественных отношений. Иначе говоря, в отличие от индивида, личность человека ни в каком смысле не является предсуществующей по отношению к его деятельности, как и его сознание, она ею порождается» (Леонтьев, 1983, Т. 2, С. 194–195). Значит, личность – не индивид, как минимум, она возникает, порождается (если порождается?) индивидом. Личностью не рождаются! Но что же представляет собой индивид? И здесь оказывается, что: «Понятие «индивид» выражает неделимость, целостность и особенности конкретного субъекта, возникающие уже на ранних ступенях жизни» (там же). Индивид, а следовательно, и конкретный субъект – это продукт биологической эволюции. Значит, конкретный субъект – это и особь, и организм, и индивид, и личность. Самое лучшее, что можно с ним сделать, это согласиться с А. Н. Леонтьевым и оставить такого абстрактного субъекта за пределами исследования. Впрочем, он таки и поступает с субъектом, а заодно и с индивидом, и ведет речь только о личности. Конечно, А.Н. Леонтьев говорит, что особенности индивида, становящегося в своей деятельности личностью, не уничтожаются, а сохраняются, но именно в качестве его особенностей.

Он дает им название «подструктур личности».

Справедливости ради нужно сказать, что, в конце концов, А.Н. Леонтьев, как и С.Л. Рубинштейн, выходит за пределы субъект-объектной парадигмы. Он выделяет «три основных параметра личности: широту связей человека с миром, степень их иерархизованности и общую структуру» (там же, С. 225). Под структурой он понимает «относительно устойчивую конфигурацию главных, внутри себя иерархизованных мотивационных линий» (там же, С. 224). Пафос размышлений А.Н. Леонтьева состоит в том, что личность «выступает как то, что человек делает из себя, утверждая свою человеческую жизнь» (там же, С. 225). Не буду воспроизводить следующую далее патетику о «баррикадах» и «полях сражений». Как говорил Венечка Ерофеев в книге «Москва – Петушки»: «Покажите мне на Земле уголок, где не всегда есть место подвигу, и я соглашусь жить вечно.»

От классиков обратимся к более близкому нам времени. В двухтысячные годы начала выходить многотомная хрестоматия («Общая психология. Тексты»), подготовленная психологами МГУ имени М.В. Ломоносова. К моему большому удивлению (и сожалению!) на каждом томе, кроме вводного, написано: «Субъект деятельности», «Субъект познания» и т.д. Эти броские названия, помимо того, что они внушают ложные ожидания, к счастью, совсем не соответствуют содержанию этих томов, о чем прямо говорил инициатор и ответственный редактор всего издания В.В. Петухов. Он действительно начинал свои размышления даже не с триады, а с квадриги: «субъект», «индивид», «индивидуальность», «личность», и предупреждал, что содержание этих терминов часто пересекается, оказывается размытым. Далее он различает в человеке природного, социального и культурного субъектов. Затем, после краткого экскурса в проблематику изучения индивида, личности и «Я», разумно отказывается от понятия «субъект» и предлагает другую триаду: природный организм, социальный индивид, личность. Так мы и будем теперь называть определенных выше субъектов, заключает автор (назвать субъекта личностью, действительно очень легко). Видимо,

основанием отказа от термина «субъект» В.В. Петухову послужили приводимые им различия У. Джеймса: физическое, социальное и духовное Я; различие З. Фрейда: «Оно», «Я» и «Сверх-Я», а возможно и принятое в теологии трехчастное деление человека, которое нередко распространяется на личность: дух, душа, тело. Сложновато представить себе размышления о трехчастном делении субъекта: он, действительно, физиологических функций не отправляет, на души прекрасные порывы не способен, непреклонным духом не обладает. Впрочем, в цитируемой работе В.В. Петухов сам признает, что субъект – это испытуемый в психологической лаборатории, где его

познания (индивид или социальная группа), источник активности, направленной на объект». Статья не содержит упоминаний о «психологическом субъекте», о «личности». Нет о них речи и в книге В.А. Лекторского «Субъект, объект, познание» (Лекторский, 1980).

М. Хайдеггер говорит, что субъект – это *под*-лежащее. Значит, он носитель предметно-практической деятельности, т.е. в определенном смысле – функция деятельности или познания. И в этом смысле субъект вне своих функций бессодержателен и пуст. Субъект – под деятельностью, а личность – над ней. Субъект – носитель, личность – хозяин деятельности. Личность может отказать-

Мне не удалось найти в работах С.Л. Рубинштейна и других рассмотренных выше авторов сколько-нибудь содержательных связей между понятиями «субъект» и «личность». Да и само понятие «субъект» используется настолько широко, что его содержание близко к нулю

изучают и тестируют как чувствующее, реагирующее, запоминающее, думающее устройство. Это означает, что психология имеет дело с субъектом, как со своим объектом. Предметом собственных исследований В.В. Петухов избрал личность: подлинную и мнимую – последняя названа странноватым словом «мничность» (Петухов, 2001, С. 274–284). Но в названии хрестоматии «субъект» остался. Зачем же умножать сущности?

ся от одной деятельности, выбрать или построить другую. К этому различению я вернусь ниже.

Как говорилось выше, в использовании понятия «субъект» нет ничего предосудительного. Другое дело, его уместность в том или ином контексте. Г.Г. Шпет, протестовавший против «психологического субъекта», использует понятие «субъект» в философском и эстетическом контекстах, а главное – дает

В актах творчества субъект выступает как репрезентант, субстрат, «носитель» смысла, идеи, реализатор, агент, в котором они как бы пребывают виртуально. И сам субъект актуален лишь в реализации идеи, становящейся вещью, объектом

Итак, мне не удалось найти в работах С.Л. Рубинштейна и других рассмотренных выше авторов сколько-нибудь содержательных связей между понятиями «субъект» и «личность». Да и само понятие «субъект» используется настолько широко, что его содержание близко к нулю. Почти как у В. Даля: «Субъект – предмет; всякое лицо, вещь, о коих говорится». В.А. Лекторский в статье «Субъект» (Философская энциклопедия, 1970 г.) дает следующее определение: «Субъект (от лат. subjectus – лежащий внизу, находящийся в основе, от sub – под и jacio – бросаю, кладу основание) – носитель предметно-практической деятельности и

ему вполне содержательную характеристику. В завершающей части книги «Внутренняя форма слова» Г.Г. Шпет, вслед за В. Гумбольдтом, обращается к анализу поэтического творчества. Он возражает против трактовки законов творчества как законов душевной жизни творческого субъекта. Он также против понимания субъекта творчества как психологического субъекта: поэтика не есть психология поэтического творчества. Она не является естественной функцией человеческого психофизического организма. Депсихологизация творческого субъекта, по мнению Г.Г. Шпета, позволяет объективно оценивать его роль в актах

творчества и также объективно анализировать культурно-социальные акты труда и творчества: «Мы имеем дело всякий раз не только с реализацией идеи, но также с объективированием субъективного, а вместе, следовательно с субъективированием объективного – в каждом произведении поэзии, как и во всех других областях творчества».

Таким образом, источник из которого мы можем почерпнуть знание субъективности заключается ни в чем ином, как в самом продукте творчества. Нужно найти способы, которыми вскрывалась бы эта субъективность в точном и строгом смысле» (Шпет, 2007, С. 469). В актах творчества субъект выступает как репрезентант, субстрат, «носитель» смысла, идеи, реализатор, агент, в котором они как бы пребывают виртуально. И сам субъект актуален лишь в реализации идеи, становящейся вещью, объектом. Без этого воплощения в культурной реальности субъект лишен своих качеств *sui generis* и принимается как простой объект природы, как задача естественнонаучного изучения Г.Г. Шпет и сам рассматривает субъекта как объект, но объект совершенно специфический, который он называет со-объектом. При этом он ставит задачу путем принципиальной редукции получить чистый не эмпирический предмет исследования. В итоге такой редукции он рассматривает субъекта не как объект вообще, а как субъекта, опосредующего продукт творчества. «Каждый его акт есть, во-первых, его акт, – а не просто интенция в единстве сознания, – и, во-вторых, каждый такой акт ... мы видим, как акт, объективирующий субъекта в процессе реализации объективной идеи, и можем легко убедиться, что все (социальное) содержание субъекта исчерпывается совокупностью его объективаций. Пока мы понимаем последние в смысле отвлеченного естествознания, как причинные эффекты, или как рефлексии, реакции, спонтанные психические процессы и т.п., мы не продвигаемся вперед» (там же, С. 475). Автор неоднократно подчеркивает бесперспективность эмпирического, в частности, психологического, рассмотрения поэтического продукта, так как «оно именно субъекта-то не может вскрыть, ибо естественнонаучное

изучение принципиально не знает субъекта, как субъекта, а знает только объект» (Шпет, 2007, С. 274).

Можно, конечно, возразить Г.Г. Шпету, что психология не естественная, а гуманитарная, даже культурно-историческая, наука, для становления которой Г.Г. Шпет многое сделал. Г.Г. Шпет и сам признает, что в нашем чувстве субъекта, «скрытого» за своей экспрессией, в истолковании этого чувства мы все же под *творческим* субъектом понимаем не отвлеченный или «средний», безличный объект индивидуальной или социальной психологии, как, равным образом, и не объект биографии, а живой *hic et nunc* данный *творческий* лик, в данном (произведении) исчерпывающийся. Как же, например, возможно его представить, мыслить, постигнуть его действительность... Где *persona creans*? Поскольку он не видит других путей к познанию этой субъективности, то предлагает искать их в самом искусстве, внутри него. Когда же речь идет не о безличном субъекте творчества, а об авторе, то Г.Г. Шпет говорит, что его личность выступает как аналогон слова. «Личность есть слово и требует своего понимания. Она имеет свои чувственные, онтические, логические и поэтические формы. Последние конструируются как отношения между экспрессивными формами случайных фактов ее поведения и внутренними формами закономерности ее характера» (там же, С. 286). В этом контексте понятны его утверждения, что личность – это предмет интерпретации, понимания. «Тут имеет место «понимание» совсем особого рода, понимание в своей основе *без понимания – симпатическое понимание*» (там же, С. 212). Подобная психологическая интерпретация личности не может и не должна сводиться к даже содер­жательно рассматриваемому субъекту.

Приведу еще одно свидетельство сложности постижения субъекта. М. Фуко так же, как и Г.Г. Шпет, скептически относился к рассудочно-отвлеченному призыву: «Познай самого себя». В курсе лекций «Герменевтика субъекта» М. Фуко рассматривал этот призыв вместе с другим – с призывом «заботиться о себе». Он следующим образом очерчивает замысел своего курса лекций: «Следовательно, нет смысла выстраивать некую непрерывную историю *gnóthi seauton*,

исходным постулатом которой, тайным или явным, выступала бы какая-то общая, универсально значимая теория субъекта, но, я думаю, надо начинать с аналитики форм рефлексивности, поскольку именно формы рефлексивности конституируют субъекта как такового. Надо, стало быть, начинать с разбора форм рефлексивности, с истории практик, служащих им основанием, чтобы смочь раскрыть смысл – изменчивый, исторический и никак не универсальный – старого традиционного принципа «познай самого себя». Вот каким был задуман в общих чертах этот курс» (Фуко, 2007, С. 502). Анализ различных форм рефлексивности и, собственно, лежащих в их

Понятия «субъект» и «личность» не конгруэнтны понятию «индивид», что, на мой взгляд, не удивительно. Думаю, что они не конгруэнтны не только в статике, но и в динамике. Так или иначе, многие попытки определить или охарактеризовать личность отталкиваются именно от индивидуальности

основании практик – это, видимо, и есть теория культурно-исторической философии, а, возможно, и психологии субъекта, если таковая возможна.

* * *

Второй член рассматриваемой триады – индивид или, если угодно, – индивидуальность, представляет собой и объект, и предмет, и цель бесконечного числа исследований. В.А. Петровский пишет: «Число мыслимых психологических определений этого термина когда-нибудь приблизится к числу индивидуальностей в психологии. Тут трудно что-либо поделаться! Каждый по себе судит, от себя отталкивается, свою индивидуальность отстаивает» (Петровский, 2009, С. 201). К этому можно добавить, что психологи-носители тех или иных свойств индивидуальности, например, чувствительности, подвижности, силы и т.п. выдают их за главные. Несмотря на хаос существующих и потенциальных определений индивидуальности, которые фиксирует В.А. Петровский, несмотря на множество существующих концепций и моделей индивидуальности, психология знает о ней значительно больше, чем о субъекте и личности. Не только знает, но и кое-что умеет. Во всяком случае, это знание положительное, практически полезное и достаточно широко используемое.

Вновь соглашусь с В.А. Петровским, что понятия «субъект» и «личность» не конгруэнтны понятию «индивид», что, на мой взгляд, не удивительно. Думаю, что они не конгруэнтны не только в статике, но и в динамике. Так или иначе, многие попытки определить или охарактеризовать личность отталкиваются именно от индивидуальности. Г.Г. Шпет говорит, что собственная индивидуальность есть личность. Видимо, это следует понимать так, что это такая индивидуальность, которой ты овладел. А.А. Ухтомский, ссылаясь на Н.Е. Введенского, называет личность функциональным органом индивида, т.е. созданным им новообразованием. Сальвадор Дали гово-

рит, что личность – это избыток (я бы добавил – таинственный) индивидуальности. В свое время П.А. Флоренский ввел тонкое разграничение между индивидом и личностью: «Говорят иногда о «сходстве личностей», это – неточное словоупотребление, так как на самом-то деле при этом разумеется не сходство личностей, а сходство тех или иных свойств их психофизических механизмов, т.е. речь идет о том, что, – хотя и в личности, – но – не личность. Личность же, разумеемая в смысле чистой личности, есть для каждого Я лишь идеал, – предел стремлений и само-построения» (Флоренский, 1990а, С. 79). И далее: «Личный характер личности – это живое единство ее само-созидающей деятельности, творческое выхождение из ее самозамкнутости, или, еще это есть неукладываемость ее ни в какое понятие, поэтому «непонятность» ее и, следовательно, неприемлемость ее для рационализма. Победа над законом тождества – вот, что поднимает личность над безжизненной вещью и делает ее живым центром деятельности. Но понятно, что деятельность, по самому существу ее, для рационализма непостижима, ибо деятельность есть творчество, т.е. прибавление к данности того, что еще не есть данность, и, следовательно, преодоление закона тождества» (там же, С. 80). А раз так, то психология, да и все гума-

нитарное знание, имеют дело не с тождествами, а с различиями, не со статикой, а с динамикой, не со ставшим, а со становлением и его незавершимостью. Не слишком ли это обескураживающие утверждения для тех, кто изучает деятельность и старается вывести из нее личность, которая сама определяет деятельность, хотя бы и в качестве ее внутреннего условия или момента?

Синонимом личности является свобода, которая, согласно М.М. Бахтину, неразрывно связана с чувством вины и ответственностью. Он резонно заметил, что личность не нуждается в экстенсивном раскрытии, она проявляет себя в поступке, в жесте, в слове (а может и утаивать себя)

П.А. Флоренский еще более усиливает приведенное положение, говоря, что личность выходит за пределы всякого понятия, трансцендентна всякому понятию: «Можно лишь создать символ коренной характеристики личности, или же значек, слово, и, не определяя его, ввести формально в систему других слов, и распорядиться так, чтобы оно подлежало общим операциям над символами, «как если бы» было в самом деле знаком понятия. Что же касается содержания этого символа, то оно не может быть рассудочным, но лишь непосредственно переживаемым в опыте само-творчества, в деятельности само-построения личности, в тождестве духовного само-сознания» (там же, С. 83). Выражаясь современным языком, Флоренский утверждает культурно-историческую природу личности и возвышает ее над субъектом: «Итак, познание не есть захват мертвого объекта хищным гносеологическим субъектом. В собственном смысле познаваема только личность и только личностью» (там же, С. 74). Личностью личность познаваема, а субъектами, в лучшем случае, распознаваема, если они не опускают ее до своего уровня.

Все же позднее, как бы противореча себе самому, П.А. Флоренский дает ей свое определение. Он рассматривает слова как первичные клетки личности и говорит, что «личность есть не что иное, как агрегат слов, синтезированных в слово слов – имя» (Флоренский, 1990б, С. 271). Это определение соответствует данной им характеристике культуры как среды, растящей и питающей личность.

Напомню, что выше мы уже встречались со шпетовским определением лич-

ности как слова. Об этом же много позже писал Э. Левинас, утверждавший, что лицо есть духовная жизнь – слово. Со всеми этими определениями или характеристиками личности, конечно, можно согласиться, но тайну личности они не раскрывают, что, может быть, и не так плохо: пределы ее развития, самопостроения, равно как и глубины ее падения, остаются неизвестными. Когда-то Б.

Спиноза сказал, что то, на что способно человеческое тело, никто не определил. Не определено и то, на что способны человеческий дух и личность. Поэтому согласимся с А.Ф. Лосевым, писавшим, что слово личность этимологически происходит от лика, а не от личины (маски, куклы и пр.), что личность – чудо, миф, единственность, идеал. Синонимом личности является свобода, которая, согласно М.М. Бахтину, неразрывно связана с чувством вины и ответственностью. Он резонно заметил, что личность не нуждается в экстенсивном раскрытии, она проявляет себя в поступке, в жесте, в слове (а может и утаивать себя). В этом смысле личность, действительно, есть чудо, миф, предмет удивления, восхищения, преклонения, зависти, ненависти, предмет непредвзятого, бескорыстного, понимающего проникновения и художественного изображения во всем многообразии ее индивидуального, культурно-исторического опыта, в том числе опыта не ответного, а ответственного – слова и действия-поступка. Одним словом, личность – это человек исторический. Это не приравнивание личности лишь к исторической личности, а лишь указание на то, что феномен личности довольно поздний результат человеческого развития. Это было убедительно показано В.Н. Топоровым при характеристике образа Энея не только как человека судьбы, но и как личности – человека исторического: «Стоя перед судьбой лицом к лицу (как и перед смертью), Эней выработал новую стратегию поведения, в которой многое, напоминающее традиционные реакции, – не бо-

лее, чем результат омонимии, более или менее легко снимаемой при учете более широкого и сложного контекста, который для Энея был актуален. Выработав эту новую поведенческую стратегию и органично усвоив ее себе, сделав ее своей натурой, Эней тем самым сложил и новый свой «психо-ментальный» тип, обладающий объяснительной силой как в отношении внешних обстоятельств, так и в отношении той модели мира, которая в наибольшей степени адекватна его психо-ментальному типу Энея и – шире – «энеевского» человека, новой стадии в эволюции homo-mediterraneus, обусловившей многие черты более поздних представителей «европейского человечества» (Достоевский)» (Топоров, 1993, С. IV).

С тех пор как появился средиземноморский человек-личность, древнее имя которой – герой (Вяч. Иванов), много воды утекло. В 1922 г. в очерке «Конец романа» О. Манделштам писал: «Ясно, что когда мы вступили в полосу могучих социальных движений, массовых организованных действий, акции личности в истории падают и вместе с ними падают влияние и сила романа, для которого роль личности в истории служит как бы манометром, показывающим давление социальной атмосферы ... Ныне европейцы выброшены из своих биографий, как шары из бильярдных луз, и законами их деятельности, как столкновением шаров на бильярдном поле, управляет один принцип: угол падения равен углу отражения ... Современный роман сразу лишился и фабулы, т.е. действующей в принадлежащей ей времени личности и психологии, так как она не обосновывает уже никаких действий» (Манделштам, 1987, С. 73–75). Поэт прозорливо писал о ситуации, которая только начинала складываться в европейской цивилизации и культуре. Но у России ведь свой путь, на котором отставание набирает ускорение. Акции личности не просто падали, личности увозились целыми пароходами. Потом еще круче. В начале 1930 г. М.М. Пришвин писал в дневнике: «По всей стране теперь идет уничтожение культурных ценностей и живых организованных личностей» (Щедрин, 2008, С. 193). Спустя еще несколько лет, в эпоху террора итог подвел Б. Пастернак:

*О личностях не может быть и речи.
На них поставим тут же крест.*

Спустя еще несколько десятилетий, свой прогноз дал И. Бродский, написав, что «обновляющийся мир будет менее духовным, более релятивистским, более безличным, я бы сказал, менее человеческим» (Бродский, 2008, С. 28). Не забудем, что настоящий XXI век сменил XX – «век-волкодав» 11 сентября 2001 года.

С констатациями и прогнозами поэтов трудно спорить. Их собственная жизнь доказала их правоту. Может быть, психология не заслуживает порицания за то, что она поднимает обезличенного субъекта на недостижимую высоту, а личность опускает до уровня субъекта, и таким образом уравнивает их? Может быть, наоборот, она даже заслуживает похвалы за то, что еще не отказалась от попыток ее понимания? Будем оптимистами. В человеке все же есть запас прочности, и эпохи возрождения, как минимум, оттепели и весны время от времени наступают. Поэтому сказанное, конечно, не может служить основанием для отказа от попыток прикоснуться к тайне личности и для недооценки усилий психологов в понимании, изучении, интерпретации личности. В то же время нельзя не признать, что на этом пути мы встречаемся с серьезными трудностями. Например, психологи так и не смогли договориться о главном, что собой представляет ядро личности. Предлагались: иерархия мотивов

(А.Н. Леонтьев), переживания и аффекты (Л.С. Выготский и А.В. Запорожец), жизненная позиция, мотивирующие представления (Л.И. Божович), смысловые образования (А.Г. Асмолов, Б.С. Братусь, Б.В. Зейгарник и др.), творчество (В.В. Давыдов) и т.д. В этот же ряд можно смело поставить свободный ум (А.С. Пушкин) или самостоянье человека (он же). Замечу, – человека, а не субъекта! Может

Будем оптимистами. В человеке все же есть запас прочности, и эпохи возрождения, как минимум, оттепели и весны время от времени наступают. Поэтому сказанное, конечно, не может служить основанием для отказа от попыток прикоснуться к тайне личности и для недооценки усилий психологов в понимании, изучении, интерпретации личности

быть сама личность является ядром всего перечисленного и многого не перечисленного? На мой взгляд, была сильно преувеличена роль деятельности в становлении личности, что спровоцировало и непомерно повысило внимание к субъекту. При этом была явно недооценена роль переживаний, на которой настаивали Л.С. Выготский, А.В. Запорожец. Они как бы вторили Г.Г. Шпету, писавшему: «Каждый живой индивид поэтому есть *sui generis* коллектив переживаний, где его личные переживания предопределяются всею массой апперцепции, составляющей коллективность переживаний его рода, т. е. как его современников, так и его предков. В целом коллектив переживаний, носимый в себе индивидом, мож-

но обозначить как его духовный уклад» (Шпет, 2006, С. 492). Ведь, в конце концов, наш опыт, сознание и та же личность невозможны вне переживаний. Г.Г. Шпет даже говорил, что философия есть не только знание, но также некоторый тип очень сложного переживания, выходящего за пределы чисто интеллектуальных отношений. К числу таких философских, поэтических, надеюсь, и психологиче-

ских переживаний относится тоска по личности, послужившая мотивом написания этой статьи.

Завершу этот затянувшийся разговор тем, что очевидной, реальной проблемой психологии является наше среднее звено-индивид или индивидуальность. От нее возможны два пути: вниз – к субъекту – функции или к коллекции (коллективу) функций, к подлежащему. И путь вверх – к личности, к коллективу переживаний, к духовности и свободе. К большому сожалению, выбор не всегда за человеком, но и преуменьшать его стремлений к пределу самопостроения не следует.

Литература:

- Арсеньев А.С. Философские основания понимания личности. – Москва : Академия, 2001.
Бродский И. Книга интервью. – Москва : Захаров, 2008.
Зинченко В.П. Нужно ли преодолеть постулат непосредственности? // Вопросы психологии. – 2009. – № 2. – С. 3–20.
Зинченко В.П. Сознание и творческий акт. – Москва : Языки славянских культур, 2010.
Зинченко В.П. Мысль и слово Густава Шпета (возвращение из изгнания). – Москва : РОУ, 2000.
Лекторский В.А. Субъект, объект, познание. – Москва : Наука, 1980.
Леонтьев А.Н. Избр. психол. произведения в 2-х тт. – Москва : Педагогика, 1983.
Мандельштам О.Э. Слово и культура. – Москва : Сов. Писатель, 1987.
Мерлин В.С. Психология индивидуальности. – Москва : ИПП ; Воронеж : МОДЭК, 1996.
Большой психологический словарь / под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко – Санкт-Петербург : Прайм ЕВРОЗНАК, 2008.
Небылицын В.Д. Основные свойства нервной системы человека. – Москва : Просвещение, 1966.
Петровский А.В. Самоосуществление индивидуальности // Психология индивидуальности: новые модели и концепции / под науч. ред. Е.Б. Старовойтенко и В.Д. Шадрикова – Москва : НОУ ВПО МПСИ, 2009.
Петухов В.В. Понятие личности. Функциональные различия природы и культуры // Общая психология. Тексты. В 3-х тт. Т. 1. – Москва : Генезис, 2001. – С. 274–284.
Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. – Москва : АН СССР, 1957.
Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. В 2-х тт. – Москва : Педагогика, 1989.

- Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. – Москва : Педагогика, 1973.
Рубинштейн С.Л. Человек и мир. – Москва : Наука, 1997.
Теплов Б.М. Проблемы индивидуальных различий. – Москва : АПН РСФСР, 1961.
Топоров В.Н. Эней – человек судьбы. К «средиземноморской» персонологии. Часть I. – Москва : РАДИКС, 1993.
Флоренский П.А. Столп и утверждения истины. – Москва : Правда, 1990а.
Флоренский П.А. У водоразделов мысли. – Москва : Правда, 1990б.
Фуко М. Герменевтика субъекта. – Санкт-Петербург : Наука, 2007.
Шпет Г.Г. *Philosophia Natalis*. Избранные психологические труды. – Москва : РОССПЭН, 2006.
Шпет Г.Г. Искусство как вид знания. Избр. тр. по философии культуры. – Москва : РОССПЭН, 2007.
Шпет Г.Г. Сочинения. – Москва : Правда, 1989.
Щедрина Т.Г. Архив эпохи: тематическое единство русской философии. – Москва : РОССПЭН, 2008.

References:

- Arseniev, A.S.(2001) Philosophical bases for understanding personality. Moscow, Academiya.
Brodsky, I. (2008) The Book of interview. Moscow, Zakharov.
Florensky, P.A. (1990a) The pillar and ground of the truth. Moscow, Pravda.
Florensky, P.A.(1990b)At the watershed of thought. Moscow, Pravda.
Foucault, M. (2007) Hermeneutics of the subject. St. Petersburg, Nauka.
Lektorsky, V.A.(1980) The subject, the subject matter, cognition. Moscow, Nauka.
Leontiev, A.N. (1983) Deleted psychological works. In 2 vols. Moscow, Pedagogika.
Mandelstam, O.E.(1987) Word and Culture. Moscow, Sovetskiy Pisatel'.
Merlin, V.S.(1996) Psychology of individuality. Moscow, IPP, Voronezh MODEK.
(Eds). Meshcheryakova, B.G., & Zinchenko, V.P. (2008) The big psychological dictionary. St. Petersburg, Praim EVROZNAK.
Nebylitsyn, V.D.(1966) The main properties of the human nervous system. Moscow, Prosvetshenie.
Petrovsky, A.V.(2009) Self-realization of personality. [*Psikhologiyaindividual'nosti: novyemodeli i kontseptsii*]. Moscow, NOU VPO MPSI.
Petukhov, V.V. (2001) The concept of personality. Functional differences of nature and culture. [*ObschayaPsyhologiya*]. Texts. In 3 vols. Vol. 1. Moscow, Genesis, 274-284.
Rubinstein, S.L.(1957) Being and consciousness. Moscow, ANSSSR.
Rubinstein, S.L.(1989) Fundamentals of general psychology. In 2 vols. Moscow, Pedagogika.
Rubinstein, S.L.(1973) Issues of general psychology. Moscow, Pedagogika.
Rubinstein, S.L.(1997) Man and the world. Moscow, Nauka.
Shpet, G.G. (2006) *Philosophia Natalis*. Selected psychological works. Moscow, ROSSPEN.
Shpet, G.G. (2007) Art as a form of knowledge. Selected papers on the philosophy of culture. Moscow, ROSSPEN.
Shpet, G.G. (1989) Oeuvre. Moscow, Pravda.
Teplov, B.M. (1961) Issues of individual differences. Moscow: APN RSFSR.
Toporov, V.N. (1993) Aeneas is a man of destiny. On the «Mediterranean» Personology. Part I. Moscow, Radix.
Zinchenko, V.P. (2009) Do I need to overcome the postulate of immediacy? [*Voprosy psikhologii*]. 2, 3-20.
Zinchenko, V.P. (2010) Consciousness and the creative act. Moscow, Yazyki Slavyanskoy Kultury.
Zinchenko, V.P. (2000) Thought and word of Gustav Shpet (returning from the exile). Moscow, ROU.